

ДРУЖБА ДЛИНОЮ В ЖИЗНЬ

Весельчак и балагур, мой друг с самого детства, Николай Бревнов, наверняка знаком многим никольчанам старшего поколения. А мы с ним идём по жизни вместе вот уже более шестидесяти лет. Ещё в пятидесятые годы прошлого века сколотилась у нас на восточной окраине города этакая своеобразная пацанья компашка из пяти человек, в коей он и верховодил. Любовь к отчому краю, справедливость, честь и достоинство - таковым было наше кредо. Хоть и были пацанами, но главное в жизни всё же понимали. За всё своё родное, кровное, никольское мы стояли стеной, Оплотом нашим были улицы Новоборисовская и верх Комсомольской (ныне Конева). Здесь мы были хозяевами и не давали спуску «пришельцам», особенно тем, которые посягали на ягодники «Плодово-ягодного опорного пункта» - детища нашего выдающегося селекционера В. Спирина, чью работу продолжала здесь его дочь Вера Владимировна. Мы справедливо полагали, что «чужаки» будут воровски лазать на территорию пункта и лакомиться там дарами селекционеров, а в ответе-то будем мы, как рядом с этим пунктом живущие. Драки, иногда, были и кровопролитными. Мы невольно стояли стеной в этих боях, по сути охраняя территорию этого предприятия.

Но особенно доставалось от нас приезжавшим на отдых к бабушкам и дедушкам ребятишкам - северянам, в основном из Мурманской области, пытавшимся (по неопытности) «гнуть» перед нами «понты». Дескать, мы - горожане, а вы тут деревня дикая. Это у них, естественно, не прокатывало, спесь с них сгоняли мы быстро, основательно и надолго, а с кое-кого и навсегда. Ведь с синяками под глазами отдыхать в «родных местах» им было не особенно-то приятно и комфортно.

Жизнь шла своим чередом. Мы выросли, выходили в люди. Николай закончил лесотехническую академию. Отработав своё, обязательное при социализме, время, по принудительному распределению, вернулся в родной Никольск. Работал в леспромхозе, мотался по командировкам... Связи с ним мы, его друзья, никогда не теряли, хотя какое-то время и жили вдали друг от друга. Друзьями были с юных лет, навеки ими и остались.

Следует отметить, что с самого детства Коля Бревнов был толковым, любознательным и начитанным парнем, схватывал всё на лету. Да ведь и было в кого. Родители - оба с высшим образованием. Мать - учительница, отец - руководитель дорожного отдела при райисполкоме. В придачу ко всему, руки у него были воистину «золотыми». За что не возьмётся - всё у него ладится. «Горит в руках» - как говорится. А какой весельчак, какой балагур! Просто душа любой компании. Характерный тому пример - хроника одного давнего вечера, который мы до сих пор с улыбкою вспоминаем.

В 70-е, 80-е годы прошлого века на Никольщине пышно отмечались яшинские дни. Летом - с выездом на природу - в Блудново и на Бобришный

угор. Поэты и писатели съезжались со всего Союза. Нередким гостем был и Евгений Евтушенко - «наше всё» по тем временам. Иногда заглядывали в Никольск и иностранцы, из ближнего зарубежья. Колиной жене - Екатерине Ивановне, работавшей в отделе культуры райисполкома, в эти дни приходилось несладко. Доставалось, как говорится, по полной программе. Приходилось крутиться-вертеться как белке в колесе. Ничего не поделаешь, Яшинский праздник - это бренд и должен был проходить на высоком идейно-политическом уровне, с не нами ещё принятым хлебосольством, и без всяких там эксцессов.

В один из таких дней в гости вечером напросились к Екатерине Ивановне трое женщин из областной делегации. Отказать было нельзя - чревато последствиями. И принять нужно было по высшему, по никольским меркам, уровню, чтобы застолье было добрым, живым и весёлым. И как тут Кате быть? Без Николая никак не обойтись. Стол накрыть - он, на гитаре сбачать - опять же он. И песен он знает много, и голос хорош - бархатный баритон. Заслушаешься. А Коля один в «малиннике» сидеть, развлекать гостей не хотел, а посему пригласил меня и ещё одного друга - Лёню с жёнами на посиделки. Встретив гостей, критически оценив вологжанок, он безошибочно вычислил главную - женщину бальзаковского возраста, приятную, симпатичную, чуть похожую на цыганочку. Тут же, про себя, окрестил её «Богемой». Понятно, женщины сбились в свой «культурный» круг мужчины - в свой мальчиший треугольник.

Выпили, как и полагается, вначале за хозяев. Прошло у мужчин не очень, ведь первая стопка, как известно, «колом». А второй, в связи с оживлённым женским «культурным» балагуром, пришлось бы ждать ещё долго. Сильному же полу ох как дюже захотелось опрокинуть вторую, которая, понятно, идёт «соколом». Коля, на правах хозяина, наполнил рюмки: женщинам - дамским вином, а мужикам - своей родной, устюгской. Звякнул стекляшкой по бутылке, обратив на себя внимание дам, и, встав, с пафосом произнёс: «Как сказал поэт Уитмен, чем болтать, давайте выпьем!». Поднёс посудинку к губам, успел сделать только глоток, на втором поперхнулся, услышав громкую реплику - вопрос удивлённой «Богемы»: «Вы знакомы с творчеством Уолта Уитмена?».

- - А почему бы и нет? - допив водку ответил он. - Вы серьёзно полагаете, что мы здесь только «лаптем шти хлебаем», да в навозе ковыряемся?

Жена испуганно толкнула Колю локтем в бок, дескать не заводись. Наступившую тишину нарушил сам же тостующий.

- - Я знаком с поэзией этого американца. Правда только лишь по переводам Корнея Чуковского. Ещё в школьные годы на литературном кружке мы штудировали иностранных поэтов и прозаиков. Тамара Анатольевна, наш литератор, где-то находила их произведения. Помню, был у неё и небольшой сборничек Уитмена. Конечно, неплохо бы почитать его стихи в подлиннике, на родном его языке. Но, увы, я английским не владею. А так, пусть и хороший перевод, но всё же это не то. Душа-то вложена не Уолта, а Корнея. Пушкина, к примеру, иностранцы в любом переводе, даже очень точном, понять не смогут, а посему, не поймут и русскую душу. Её, душеньку русскую, ни на каком

ином языке не выразишь, только на русском.

— А может что-то из него прочтёте? - всё ещё не веря Бревнову, пыталась осадить его «Богема».

- Позвольте парочку минут, Людмила Георгиевна, сейчас вспомню. Мне ведь близка была его морская тематика. И я на конкурсе чтецов, по-моему, в десятом классе занял первое место с «О капитан, мой капитан!».

О капитан, мой капитан! Рейс трудный завершён.

Все бури выдержал корабль, увенчан славой он.

Уж близок порт, я слышу звон, народ глядит ликуя.

Как неуклонно наш корабль взрезает килем струи...

- Не ожидала, не ожидала, - захлопала в ладоши «Богема». Застолье оживилось, пошла в ход закуска.

- А почему именно морская тематика? - продолжила дискуссию Людмила Георгиевна.

- Я три года отслужил на флоте, на севере. На эсминце прошёл немало миль. Бывал у берегов Норвегии, Великобритании, на Фарерах. С визитом дружбы заходили в Рейкьявик. За эти годы я и влюбился в северные моря. Здесь и характер закаляется, здесь и мужчиной становишься. Южные моря - курортные, предназначены для отдыха. А на севере любой хлюпик возмужает. Вспомните Николая Рубцова, нашего земляка. Как он о море и морях писал, прямо душа поёт, как вспомню.

- Ну, ну, прочтите что-нибудь и Рубцова.

- Что ж, пожалуйста.

Я весь в мазуте, весь в тавоте,

Зато работаю в тралфлоте!

Печально пела радиола

Про мимолётный наш уют.

На камни пламенного мола

Матросы вышли из кают.

Они с родными целовались,

В лицо им дул знобящий норд.

Суда гудели, надрывались,

Матросов требуя на борт.

И вот опять - святое дело!

И наш корабль заботой полн,

Совсем не так осиротело

Плывёт среди бескрайних волн.

Я, юный сын морских факторий,

Хочу, чтоб вечно шторм звучал.

Чтоб для отважных вечно - море,

А для уставших - свой причал.

Опять аплодисменты. Похоже вологжанки были поражены бревновскими познаниями и красноречием. А «Богема», участвуя в женском щебетании, нет-нет да и поглядывала недоумённо и удивлённо на Николая, видимо всё ещё не веря в серьёзность происходящего. Зато мы с другом Лёней повеселели, перекинулись парой-тройкой шуточек.

Заметив, что главная областница замолчала, как бы ушла в себя, Николай, поймавший кураж, подхватил бутылочку и, указав левой рукой на Людмилу Георгиевну, за что получил от жены очередной тычок в бок, начал разливать по рюмкам вино, декламируя при этом всё того же Рубцова.

Гость молчит, и я - ни слова!
Только руки говорят.
По своим стаканам снова
Разливаем всё подряд.

Красным, белым и зелёным
Мы поддерживаем жизнь.
Взгляд блуждает по иконам,
Настроенье — хоть женись!...

- Ну, что? Вздоргнем за Рубцова, а за одним и за нашего Николая, - вдруг вдохновился и Леонид. Поднялся со стула и пошёл вокруг стола, чокаясь со всеми.

Людмиле Георгиевне, видимо, доставляло удовольствие раскалывать - раскачивать Николая.

- А ещё о ком и о чём Вы нам поведаете? - как на экзамене спросила она Бревнова.

- Многого могу почитать. «Лорелею», например, Генриха Гейне, несколько глав из «Евгения Онегина». Память у меня хорошая, из школьной программы практически всё помню. А вообще-то я люблю и уважаю человека труда, созидателя, создающего материальные блага. Благодаря им, беззаветным труженикам, мы и обязаны своей безбедной жизнью. И стихи о хлеборобах, шахтёрах, рыбаках, лесозаготовителях есть практически у всех наших поэтов. Возьмём, опять же к примеру, Евгения Евтушенко:

Благословенна русская земля,
Открытая для доброго зерна!
Благословенны руки её пахарей,
Замасленною вытертые паклей!

Благословенно утро человека
У Кустаная или Челекена,
Который вышел рано на заре
И поразился вспаханной земле,

За эту ночь его руками поднятой,
Но лишь сейчас во всём величьи понятый!

Тут уж и я не удержался: «Давайте выпьем за человека - труженика! Всем до дна, до дна, до дна!»

Пауза была недолгой. Разговор на сей раз зашёл о «затягивании гаек» нынешним руководителем страны Ю.В. Андроповым. Дискуссия длилась не менее получаса. После очередного тоста, на сей раз за Союз - батюшку, «Богема» вновь обратилась к Бревнову: «Судя по всему, Николай, ты и сам стихи пишешь?»

- Да, с полсотни стишков, пожалуй, наберётся. Аляповатеньких таких, куда уж мне до классиков? Пишу в своё удовольствие, показываю друзьям, кои здесь присутствуют, хорошим знакомым. Нигде не публиковался, я не тщеславен. Прозой балуюсь, опять же больше пишу о людях труда. Все мои герои - люди реальные. Фамилии, естественно, изменены, но факты - все достоверны.

- Быть может прочтёте что-нибудь?
- Из серьёзных или юморных?
- На Ваше усмотрение.
- Что ж, слушайте.

У Антошеньки - мальчика
Голубые глазки.
Как у Вани - молодца,
Что из русской сказки.

Нет у мужниной родне
Синевы во взгляде,
И у тех, кто по жене,
Нет озёрной глади.

Только чёрные глаза,
Карие да серые.
Но, откуда бирюза
Под бровями белыми?

Почему случилось так,
Что с очами крохи
Получился явный брак? -
Осуждения, вздохи.

Стала Ольгу упрекать
Грозная свекровь,
Да и сыну намекать,

На чужую кровь.

Не согласен сын Андрей
С доводами мамы.
Ей сказал: «Ругать не смей!
И не строй в том драмы.

* * *

Ночь. Ласкает муженёк
Оленьку родную:
«Не печалься, мой дружок,
Я всё расшифрую».

- Помнишь, тёплым вечерком
Из деревни вышли.
До реки пошли польком,
Ближе было, вишь ли.

Льна - лазурья огоньки,
Где мы шли с тобою,
Обочь поля - васильки
С синей бахромою.

Опьяневши в красоте,
Прямо в лён свалились.
В бирюзовой лепоте
Мы с тобой любились...

В синем-синем забытьё
Мы сынка зачали.
Потому его глаза
Голубыми стали.

- Далее в ход пошла гитара. Пели русские и советские песни, которые все мы знаем, как Отче наш. Не заметили, как время ушло-укаатило далеко за полночь. Спыхватилась «Богема»: «Да, ребятушки, пора заканчивать наше веселье. Завтра всем на работу, и надо быть в форме. А нас ждёт самолёт. Сами понимаете, Андропов не шутит, он наведёт дисциплину и порядок. Привыкайте к новым веяньям. Там, - она показала пальцем вверх, - разрабатываются очень жёсткие мероприятия по выходу из тупика, в который скатилось наше государство. Назревает и антиалкогольная программа. Кое-какие горячие головы предлагают даже ввести сухой закон.

- Так ведь опять самогон гнать начнём, лекарства, что на спирту, выпьем, за технические жидкости примемся, - возмутился Леонид, - сколько уж было этих

кампаний, и все заканчивались ничем. Только народ озлобят, да против себя настроят. Делать им там, видимо, нечего. Надо экономику поднимать, а не дурью маяться. А что прикажете людям делать? Тихариться? Или под одеялом пить? Нетрезвым по улице нельзя пройти будет. Увидит милиция - и в вырезвитель, со всеми вытекающими из этого последствиями.

- Не горячись, Лёня, притормози. Михаил Ножкин выход уже нашёл. Вот, послушай его песню. Коля взял гитару.

Нам судьба уготована странная:
Беспокоимся ночью и днём.
Всё друг друга грызём на собраниях,
Надрываемся, глотки дерём.
А на кладбище так спокойненько.
Ни врагов, ни друзей не видать.
Всё культурненько, всё спокойненько -
Исключительная благодать.

Вот, к примеру, захочется выпить вам,
А вам выпить нигде не дают.
Всё стыдят, да грозят вырезвителем,
Да в нетрезвую душу плюют.
А на кладбище, так спокойненько,
От общественности вдалеке,
Всё культурненько, всё спокойненько,
И закусочка на бугорке...

- Ну, чем не выход, Лёня, будем на кладбище собираться...
Завершился вечер всё же оптимистично, знаменитой митяевской песней.

Изгиб гитары жёлтой ты обнимаешь нежно,
Струна осколком эха пронзит тугую высь.
Качнётся купол неба большой и звёздно-снежный.
Как здорово, что все мы здесь сегодня собрались...

- Да-а-а, как на сольном концерте Николая Бревнова побывала, - подвела итог «Богема», на бесплатном, заметьте. Спасибо тебе, Николай, в том числе и за гостеприимство. И добавила: «Такой талант в глуши пропадает!»

- Вот такой друг у нас, Людмила Георгиевна, и швец, и жнец, и на дуде игрец.

- С другом вам, ребята, действительно повезло. А у меня вот ни друзей, ни подруг, к сожалению, нет. Может не повезло, а может сама виновата.

На прощание, уже в подъезде, поманила Людмила Георгиевна к себе пальчиком хозяйшкку и шёпотом на ушко сказала: «Повезло тебе Катя с мужем. Этакий живчик. Но и боюсь, и переживаю за тебя. Смотри, держи его крепче, далеко от себя не отпускай. А то, не ровен час, уведёт его у тебя какая-нибудь

смазливая бабёнка...

* * *

Напрасно беспокоилась «Богема». Коле нынче уже к 75-ти подкатило. Катя его на три годика помоложе. Живут душа в душу, правда уже в Вологде. Коля нас с Лёней на юбилей пригласил. Летом поедem вчетвером, если «Коронавирус» позволит. Как-никак, мы же первые друганы у него и, полагаем, самые надёжные, всю жизнь бок о бок прошли с ним.